

Чэнь Чжэн вернулся в комнату для допросов. Си Сяюю, который до этого вытягивал шею, поглядывая на дверь, при виде него тут же опустил голову.

Чэнь Чжэн положил мобильный телефон на стол:

— Всё еще не собираешься говорить? Ждешь, пока человек, купивший твою машину, первым назовет твое имя?

Си Сяюю удивился:

— Что вы имеете в виду?

Чэнь Чжэн кивнул подбородком в сторону телефона:

— Знаешь, какую новость я только что получил? Вэй Ютай сбежал.

Услышав это имя, Си Сяюю не смог сдержаться и резко втянул воздух — тот с писком протиснулся сквозь гортань.

Чэнь Чжэн продолжил:

— Зачем ему бежать? И почему ты так бурно реагируешь на это имя?

К этому моменту хмель из Си Сяююна окончательно выветрился. Сопоставив слова Чэнь Чжэна, он внезапно понял, что, возможно, крупно влип.

— Я... я всё скажу!

Чэнь Чжэн кивнул дежурному протоколисту.

— Я продал машину Вэй Ютаю! — выпалил Си Сяюю. — И он дал мне денег за молчание, чтобы я никому не говорил, что покупатель — он!

Си Сяюю уже много лет не покидал Хуанцюнь. Когда родители были живы, самым далеким местом, где он бывал, был уездный город по ту сторону горы. Раньше семья Си считалась в поселке зажиточной: родители занимались торговлей песком и гравием и прилично заработали, когда в Хуанцюнь хлынули инвесторы строить виллы и замки. В семье было даже несколько машин.

Но Си Сяюю отличался от родителей: ленивый от природы, он ни дня не работал. Когда строительный бум утих и доходы в Хуанцюне упали, родители решили податься на юг в поисках лучшей доли. Хотели взять его с собой, но он отказался. Он был единственным ребенком, и родители не стали настаивать, оставив его дома.

Беда пришла откуда не ждали: в первый же год после отъезда родители погибли в автокатастрофе. Компенсации и накоплений Си Сяююу вполне хватало, чтобы безбедно «прожигать» жизнь до самой старости.

Именно этим он и занимался: распродал лишнюю недвижимость и машины, заперся дома и выходил разве что за едой и выпивкой или на почту за новыми играми. Хотя он и не стремился к высотам, но и проблем не создавал, так что в деревне его никто не трогал, а многие и вовсе о нем забыли.

В начале года Си Сяюю увлекся нелегальными зарубежными ставками. Сначала выигрывал,

но потом спустил всё до копейки. Источников дохода у него не было, жил на старые запасы, и когда деньги кончились, им овладело чувство паники.

Вэй Ютай нашел его как раз тогда, когда тот раздумывал: продать сначала дом или машину? Машина ему была без надобности, а дом... что ж, можно прожить и в лачуге поменьше.

Вэй Ютай предложил за машину цену, значительно превышавшую рыночную. Вдобавок он потребовал, чтобы Си Сяююн никому не говорил, куда делось авто. Если тот сдержит слово — получит еще денег.

Он согласился.

Когда наличные оказались на руках, довольный собой Си Сяююн закупился выпивкой и впал в забытие. Он даже не заметил, когда именно Вэй Ютай забрал машину.

Закончив рассказ, Си Сяююн устало прижал руку к груди и зашелся кашлем. Видя это, Чэнь Чжэн вызвал оперативника и велел немедленно отвезти парня на медосмотр.

Узнав об исчезновении Вэй Ютая, Кэ Шуэр снова впала в паранойю: то боялась, что его тоже убили, то воображала, что он идет убивать её. Заметив, что Чэнь Чжэн не подает виду и продолжает обыск в доме Си Сяююна, она не выдержала:

— Вы совсем не переживаете? Вэй Ютай исчез!

Чэнь Чжэн ответил вопросом на вопрос:

— Я сейчас в Хуанцюне, быстро вернуться не смогу. Поиски в городе — не моя задача. Какой смысл мне паниковать?

Кэ Шуэр запнулась:

— Но нельзя же просто ничего не делать!

Чэнь Чжэн вытащил из-под кровати Си Сяююна ящик с наполовину выпитой оздоровительной водой, подставив коричневую бутылочку под свет фонаря:

— Тебе кажется, что я ничего не делаю?

В Чжуцюане Кун Бин рвал и метал из-за исчезновения Вэй Ютая. Подозрения в отношении него были огромными, слежка была приоритетной задачей, и надо же — такой важный фигурант ускользнул прямо у них из-под носа.

Мин Хань протянул Кун Бину бутылку ледяной минералки:

— Капитан Кун, остыньте. Мы работали в открытую, упустить его — обычное дело. В конце концов, у нас не было достаточно улик, чтобы официально его запереть.

Кун Бин был измотан чередой дел. К тому же, раньше он не сталкивался с подобными ситуациями; в суматохе легко впасть в хаос, а в хаосе лезут лишние мысли:

— Может, за ним кто-то стоит? Кто-то помог ему скрыться?

Мин Хань покачал головой:

— Если бы Вэй Ютай хотел сбежать, у него было полно возможностей раньше. Скорее всего, он не бежит, а направляется в определенное место, чтобы дожидаться нас.

Кун Бин поспешно спросил:

— Куда? У тебя есть мысли?

Переулок Хуэйцзя был снесен много лет назад. Старые дома и рынок исчезли, уступив место современным торговым центрам, детским садам и жилым комплексам.

Лю Пиньчао с бесстрастным видом стоял на обочине, поглубже натянув кепку. В поле его зрения находился Вэй Ютай, одетый во всё черное — словно ворон, прилетевший с кладбища. Вэй Ютай несколько раз оглядывался по сторонам и даже встретился с Лю Пиньчао взглядом, но не заметил ничего необычного. Лю Пиньчао шел сквозь толпу, держась на дистанции. Вэй Ютай еще раз оглянулся назад и, решив, что хвоста нет, вошел в офисное здание.

У Лю Пиньчао зазвонил телефон.

— Нашел его? — спросил Мин Хань.

— Нашел. Здание «Цзюсин», корпус Б.

— Вы по какому вопросу? — спросил охранник в холле.

— На собеседование, — улыбнулся Вэй Ютай и протянул заранее подготовленное резюме.

Ежедневно через «Цзюсин» проходят толпы людей. Охранник лишь для проформы задал вопрос незнакомцу, мельком глянул на резюме, даже не разобрав имени, и пропустил его. Вэй Ютай встал перед лифтом, глядя на мигающие цифры, и нажал «33». Двери открылись, офисные работники высыпали наружу, а он втиснулся внутрь вместе с новой группой. Лифт поднимался, люди выходили один за другим. На 33-м этаже он остался один.

Здесь располагались две компании и выход на открытую террасу. Под недоуменными взглядами прохожих он прошел к стеклянной двери, отделяющей коридор от террасы, закрыл её и повесил принесенный с собой замок. Затем он подошел к перилам и оперся на них руками, как в детстве на брусках.

За стеклянной дверью раздался крик:

— Человек хочет прыгнуть!

Шум мгновенно разнесся по всему зданию. Внизу начала собираться толпа, многие достали телефоны.

На террасе гулял сильный ветер. Волосы Вэй Ютая растрепались, закрывая глаза, но уголки его губ тронула странная улыбка.

Благодаря наводке Лю Пиньчао, Мин Хань и оперативники прибыли на место даже быстрее местного патруля. Внизу начали разворачивать спасательную подушку, но 33-й этаж был слишком высок — если он прыгнет, шансов на спасение почти нет.

Кто-то уже запустил прямую трансляцию, число зрителей стремительно росло.

Мин Хань быстро поднялся на 33-й этаж и через стекло встретился взглядом с Вэй Ютаем. Дверь закрывалась неплотно, оставалась щель шириной в палец — достаточно, чтобы голос и эмоции доходили без искажений.

— И что это мы так приуныли? — В голосе Мин Ханя не было привычного напряжения при виде самоубийцы. С того момента, как он получил наводку, он был удивительно расслаблен. — Что за мысли такие? О чем нельзя просто поговорить, обязательно сразу прыгать?

Вэй Ютай нахмурился, явно не зная, как реагировать на такого полицейского. Спустя мгновение он горько усмехнулся:

— Всё кончено.

— О, — протянул Мин Хань. — Спектакль окончен?

Вэй Ютай опустил голову, о чем-то раздумывая, и через полминуты произнес:

— Знаете, когда я узнал, что тело Фэн Фэна нашли, я понял: небеса меня не отпустят. Небеса не одобрили мой путь.

С этими словами он повернулся и снова оперся на перила. Внизу раздался коллективный вздох, в небо взметнулись сотни телефонов.

— Почему выбрал это место? — спросил Мин Хань.

— Раз уж ты меня нашел, неужели не знаешь почему?

— Раньше здесь был рынок. В детстве ты помогал тут родителям, — сказал Мин Хань. — Скучаешь по тем беззаботным временам?

Вэй Ютай нахмурился и устало покачал головой:

— Ты же прекрасно знаешь, что дело не в этом.

Мин Хань скрестил руки на груди с видом непонимания.

Вэй Ютай, теряя терпение, перекинул ногу через перила. Крики внизу стали оглушительными.

Мин Хань положил правую руку на стеклянную дверь. Замок был изнутри, ключа не было. Можно было выбить дверь силой, но грохот мог спровоцировать прыжок.

— Не входи! — крикнул Вэй Ютай. — Войдешь — я тут же прыгну!

Мин Хань поднял руки:

— Хорошо, не вхожу. Я просто хочу спросить: какие у тебя требования?

— Я...

— Сделай милость, не усложняй мне жизнь, — перебил его Мин Хань. — Ты прыгнешь — и концы в воду, а мне что делать? Столько времени распутывать дело, чтобы подозреваемый сам себя «утилизировал»?

Вэй Ютай убрал ногу с перил и замер, внимательно глядя на Мин Ханя.

— Я требую трансляцию.

Кун Бин тут же зашипел в рацию:

— Никакой трансляции! Нельзя давать ему трибуну!

Но Чэнь Чжэн, следивший за ситуацией удаленно, возразил:

— Дайте ему её. Я буду с ним говорить.

— Нельзя! — отрезал Кун Бин.

— Капитан Кун, — вмешался Мин Хань, — в этот раз послушаем учителя Чэня.

Оборудование для стрима быстро установили перед стеклянной дверью. Объектив был направлен на Вэй Ютая. Тот наконец отошел от края. Запертая дверь давала ему чувство безопасности — Мин Хань не мог ворваться мгновенно.

— Говори свою историю, — произнес Чэнь Чжэн. — Я и твои многочисленные зрители слушаем.

Вэй Ютай сел прямо на пол, посмотрел в небо, а когда перевел взгляд на камеру, его глаза были полны слез.

— Это я убил Фэн Фэна. Но я сделал это не ради себя. Я мстил за человека по имени Хао Лэ. За своего друга.

Когда Вэй Ютай был маленьким, родители развелись. Он остался с матерью, которая тогда еще не была богатой и торговала на рынке, чтобы прокормить его. Видя, как другие торговцы обижают мать, он больше всего на свете мечтал об отце или старшем брате.

Позже мать вышла замуж за иностранца. У него появился отец, но вместе с ним — иностранное имя. Отчим относился к нему неплохо, но полюбить его или стать близкими у Ютая так и не получилось.

Чтобы наладить жизнь, родители арендовали точку на рынке в переулке Хуэйцзя и занялись морепродуктами. Рынок и так пропах рыбой, а у их прилавка запах был просто удушающим. Ютай всей душой ненавидел это место, но, видя, как мать работает на износ, не мог сидеть дома и проедать эти деньги.

Поэтому каждые каникулы он стоял за прилавком: помогал покупателям выбирать рыбу и учился её чистить. Постепенно он привык к запаху и был горд, что может защитить и поддержать мать. Но взгляды одноклассников жалили, как ножи.

— Фу, от тебя воняет! Ты как тухлая рыба!

— Ты можешь хоть раз сменить одежду?

— Учитель, я не хочу сидеть с Вэй Ютаем, он вонючий япошка!

Ему хотелось кричать, что он не носит школьную одежду на рынке, что он каждый раз моется до скрипа и никогда не идет в школу прямо от прилавка. И никакой он не япошка. Но его никто не слушал. Для них он был просто «вонючим».

Учителя проводили с ним беседы, хвалили за помощь родителям, называли хорошим

мальчиком, но при этом тактично советовали «тщательнее мыться после работы».

Он не знал, что делать. В пятом классе он уже не был несмышленишкой. Скажи он родителям — они бы запретили ему помогать и расстроились бы. Но и бросать их он не хотел. Что он скажет матери, если та спросит, почему он не пришел?

К счастью, начались летние каникулы, и ему больше не нужно было видеть брезгливые лица одноклассников.

Лето выдалось жарким, запах на рынке усилился. Придя как-то в палатку, он заметил у мясного прилавка напротив мальчишку с ровной челкой. Тот был чуть старше и ловко помогал дяде Ли развешивать туши. Ютай долго за ним наблюдал. Когда мальчик посмотрел на него, Ютай хотел было неловко отвернуться, но тот вежливо улыбнулся.

Следующие несколько дней он видел его постоянно. Они не разговаривали, но Ютай понял: этот мальчик, в отличие от него самого, был наемным работником на лето — «маленьким батраком».

Торговцы в свободное время любили болтать и играть в карты. Мать вскоре разузнала, что помощника дяди Ли зовут Сяо Лэ. Он жил неподалеку, рос в неполной семье, жили они бедно, но мальчик был очень умным и хорошо учился.

Родители ведь обожают отличников, особенно если свой ребенок в учебе не блещет. И вот однажды мать привела Сяо Лэ к нему:

— Сяо Лэ сейчас свободен, тащи свои тетрадки, пусть он тебе объяснит уроки.

Ютай опешил и не мог вымолвить ни слова. Сяо Лэ же ничуть не смутился, придвинул пластиковую табуретку и сел:

— У меня по другим предметам так себе, но в математике я разбираюсь.

Ютай инстинктивно отступил на шаг. Не от страха — напротив, этот «старший брат» был ему очень интересен. Он просто боялся, что от него пахнет рыбой.

Мать со смехом шлепнула его по спине:

— Чего ты прячешься? Девчонки и те скромнее!

Днем на рынке было затишье. Торговцы резались в маджонг. У рыбного прилавка всё было мокро, поэтому мать договорилась с дядей Ли, и тот освободил уголок на своем мясном столе, чтобы дети могли заниматься.

Отойдя от своего прилавка, Вэй Ютай почувствовал, что запах рыбы стал как будто еще сильнее. А заниматься нужно было плечом к плечу. Сяо Лэ серьезно выводил формулы, а Ютай только и думал о том, какой он вонючий, и ничего не соображал.

Закончив объяснение, Сяо Лэ пододвинул к нему тетрадь и ручку:

— Теперь ты.

Ютай сжал ручку, в голове было пусто.

— Ты разве не слушал? — спросил Сяо Лэ.

Ютай готов был сквозь землю провалиться от стыда, но Сяо Лэ, обладая ангельским терпением, сказал:

— Ничего страшного, давай еще раз.

Глядя на то, как сосредоточенно Сяо Лэ пишет цифры, Ютай страшно хотел спросить: «Брат, неужели ты не чувствуешь, как от меня несет?»

Взрослые закончили игру, пришло время закрываться. Сяо Лэ помогал дяде Ли с уборкой, а мать Ютая весело спросила:

— Ну как, понял что-нибудь?

Красный как рак Ютай кивнул. Мать обрадовалась и сунула Сяо Лэ рыбину в подарок:

— Сяо Лэ, как будет время — заходи, поучи нашего Ютая еще.

— Без проблем! — поблагодарил тот.

Так Сяо Лэ стал его маленьким учителем. Раз в несколько дней он объяснял ему темы, а когда уроков не было — они просто вместе писали домашку. Как-то раз Ютай на свои карманные деньги угостил Сяо Лэ колой за пределами рынка и всё-таки не выдержал:

— Брат Сяо Лэ, разве я тебе не противен?

Тот опешил:

— Противен? Потому что в математике не силен?

Ютай поперхнулся колой так, что чуть легкие не выплюнул. Сяо Лэ принялся хлопать его по спине. Вытирая слезы и колу с лица, Ютай выдавил:

— Нет... Из-за того, что от меня воняет рыбой. И из-за того, что у меня имя как у японца.

Сяо Лэ посмотрел на него как на сумасшедшего:

— А от меня свиной воняет, тебе я противен?

Ютай застыл. Если бы Сяо Лэ не сказал, он бы и не заметил.

— Твоя семья продает рыбу, ты помогаешь — конечно, будет запах. Чего тут стыдиться? — сказал Сяо Лэ. — Мой папа на стройке работает, от него потом несет, но это же ради жизни, разве нет?

Ютаю стало тепло на душе. Впервые кто-то сказал ему такое.

— А ты просто мойся получше, — добавил Сяо Лэ. — Купи травяное мыло, и всё будет в ажуре!

И, о чудо, психологический эффект сработал: Ютай перестал чувствовать себя «ходячей рыбиной».

Тем летом, кроме Сяо Лэ, он узнал и Фэн Фэна. Правда, заочно — он тогда даже имени его не знал. На рынке обычно крутились местные из Хуэйцзя, а Фэн Фэн был новым лицом. Сопляк-пятиклассник, а вел себя нагло: вымогал деньги у старшеклассников. Если те не давали —

пускал в ход кулаки и быстро заставлял подчиниться.

Ютай смотрел на него с детским восторгом перед силой. Ему казалось, что это и есть «крутизна», он хотел стать таким же. За ужином он с восторгом рассказал родителям о боевом пацане. Те, конечно, его отчитали и велели брать пример с Сяо Лэ, а не с хулиганов.

На фоне Фэн Фэна «брат Сяо Лэ» вдруг показался ему не таким уж и замечательным. Сяо Лэ был мягким, никогда не лез в споры, предпочитал промолчать, если его задевали. Ютай думал: если Сяо Лэ столкнется с Фэн Фэном, тот его в порошок сотрет.

Дни летели, пришла пора идти в школу. Ютай мылся с особым рвением. Поначалу он боялся, что его снова назовут вонючим, но, кроме пары «ищеек», которые обходили его стороной, остальные, казалось, забыли о его «рыбном» прошлом. Сяо Лэ тоже ушел в свою школу, нашел другую подработку. В те времена связаться с человеком было не так просто, и они потерялись.

Позже бизнес родителей пошел в гору, они переехали на большой оптовый рынок, а мясная лавка дяди Ли перешла к другим людям. А потом и сам рынок вместе со старыми домами переулка Хуэйцзя ушел в историю.

Ютай вырос, но в учебе так и не преуспел. Всё, чему учил его Сяо Лэ, выветрилось из головы, а вот образ дерущегося Фэн Фэна засел крепко. Он начал пользоваться дорогими импортными гелями для душа, от него пахло парфюмом, но в начале десятого класса он снова поймал на себе странный взгляд.

Этот взгляд он узнал бы из тысячи — такой же, как у тех детей в начальной школе. Он не раздумывая ударил первым. Тот парень потом за версту его обходил. Ютай понял: единственный способ заставить людей замолчать — это насилие. Он стал фанатом силы и, когда снова встретил Фэн Фэна, ставшего школьным авторитетом, закономерно заделался его «шестеркой».

Увидев фото Хао Лэ на доске почета во второй школе, он узнал, что Сяо Лэ тоже учится здесь. Казалось бы, надо радоваться встрече. Но, глядя на фото Хао Лэ с той же челкой, он вдруг почувствовал жгучий стыд. Почему этот парень всё такой же мягкотелый и покорный? Уже старшая школа, неужели нельзя стать хоть немного жестче?

— Долго ты на него пялишься. Знакомый? — спросил одноклассник.

— Нет, просто смотрю, — тут же отрезал он.

Несмотря на это, он разузнал, почему Хао Лэ бросил школу. Узнал про тяжелую травму отца, огромные долги за лечение и то, что Хао Лэ пришлось уйти, чтобы работать. Чувства были противоречивые: ему было жаль Хао Лэ, но в то же время он его не понимал. Состояние его родителей росло как снежный ком, он носил бренды и был «молодым господином Вэем». Он не понимал, как отсутствие денег может заставить отличника бросить школу. Почему школа не помогла? Почему не занял денег? Почему... не нашел его и не попросил о помощи?

«Да ну, — подумал он тогда. — Какое мне до этого дело?»

Он думал, что их пути больше никогда не пересекутся. Пока Фэн Фэн не привел Хао Лэ в их компанию.

Увидев Хао Лэ снова, Ютай лишился дара речи. Одежда Хао Лэ была заношена до дыр, он стоял с покорно опущенной головой. Он вытянулся, но был очень худым. Сам Ютай стал выше

и крепче него.

Хао Лэ посмотрел на него, взгляд его на миг изменился — он узнал Ютая. Первой реакцией Ютая было задрать нос и отвернуться. Несмотря на вспыхнувшую вину и тревогу, он четко осознавал: он ни за что не признается в знакомстве при таких обстоятельствах. Это слишком унижительно. То ли Хао Лэ понял его без слов, то ли по какой-то другой причине, но он тоже больше не смотрел на Ютая, сделав вид, что они незнакомы.

Фэн Фэн объявил, что это новый «брат», обнимал его за плечи, и вся толпа шумно пошла есть хого.

Но Ютай знал: никакой он не «брат». У Фэн Фэна в банде всегда был нужен «расходный материал» — тот, кто принимает на себя первый удар. Таких ребят Фэн Фэн обычно нанимал за деньги: они и побои терпели, и в слугах у него ходили.

В первой же драке Хао Лэ избили до кровавой рвоты. Ютаю было тошно на это смотреть, он хотел сказать Хао Лэ, чтобы тот бросал это дело, но слова застревали в горле.

Пока банда пила и играла в карты, он как бы невзначай спросил:

— Слушай, Фэн-гэ, этот парень совсем не умеет драться. Где ты его откопал?

Фэн Фэн ответил, что давно знал про беду в семье Хао Лэ. Нуждающимся людьми легче всего манипулировать. К тому же статус «бывшего отличника» помогал пускать пыль в глаза учителям, которые любили Хао Лэ. Фэн Фэн просто швырнул деньги Хао Лэ и спросил, хочет ли тот быть его «шестеркой». Через несколько дней Хао Лэ согласился.

— И какой толк от хороших отметок? — с презрением бросил Фэн Фэн. — Нет денег, трус — вот и будешь «грушей для битья».

Вэй Ютай стал еще сильнее избегать Хао Лэ. Он презирал его, но из-за детских воспоминаний не мог не следить за ним. В каждой массовой драке Хао Лэ доставалось больше всех. Фэн Фэн, конечно, оплачивал счета из больницы и выдавал «гонорар». Когда банде было нечего делать, Хао Лэ гоняли на побегушках, а иногда Фэн Фэн просто отвешивал ему тумачков. Все улюлюкали, а Ютай чувствовал себя как на раскаленных углях.

Тот поход на гору Сюэбо... он не очень-то хотел идти. Зимой в горах холодно, лучше дома в игры резаться. Но Фэн Фэн взял Хао Лэ, и у Ютая было нехорошее предчувствие. Он думал — вдруг он сможет помочь, если что-то случится?

Однако он не ожидал, что именно он пойдет в лагерь за Хао Лэ, именно он своими глазами увидит, как тот падает, и именно он с близкого расстояния будет смотреть, как Фэн Фэн и Цзэн Янь добивают камнями Хао Лэ, у которого оставался еще последний вздох.

Он ничего не сделал. В тот момент он был настоящей «шестеркой» — не смел и пикнуть перед «боссом».

По дороге к обрыву, спустя много лет, он впервые заговорил с Хао Лэ.

— Зачем ты связался с Фэн Фэном? — сквозь зубы спросил он.

Хао Лэ же спокойно ответил:

— А ты? Зачем ты стал бандитом?

— Я... — Он не нашелся с ответом. Любое оправдание выглядело бы жалко в глазах Хао Лэ.

Хао Лэ обогнал его:

— Я понимаю.

— Да что ты понимаешь?! — взорвался Ютай.

— У каждого свои трудности, — сказал Хао Лэ. — Мы с тобой одинаковые.

Договорив, Хао Лэ пошел вперед, не зная, что это последние метры его пути в этом мире.

Вэй Ютай, погруженный в воспоминания, внезапно разрыдался. Взгляд Чэнь Чжэна, устремленный на него, становился всё холоднее.

— Прошу прощения, позволь мне прервать тебя. Тогда у тебя была масса возможностей помочь Хао Лэ. Даже в самый последний момент ты мог не пустить его к обрыву, мог забрать веревку из рук Фэн Фэна. У него еще оставался шанс, ты мог вызвать полицию или скорую. Но ты просто стоял и смотрел, как он умирает. А теперь, спустя десять лет, ты вдруг убиваешь Фэн Фэна ради него?

Чэнь Чжэн усмехнулся:

— Я решительно не понимаю твоих мотивов.

<http://bllate.org/book/17170/1614198>